

УДК 343.12

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-140-147

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРЕЕМСТВО ПРАВ УМЕРШЕГО УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

ПАТРУШЕВА Алена Александровна*

✉ aapatrusheva@yandex.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644092, Россия

Аннотация. В работе представлен анализ имеющихся в юридической литературе точек зрения относительно правового феномена, связанного с фактическим сохранением личных неимущественных прав умерших участников правовых отношений, которые подлежат посмертной защите и в уголовном судопроизводстве. Определяются наиболее существенные из подходов. На основе исследования норм гражданского, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального законодательства, а также с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации делается вывод о делегировании государством правомочий по защите отдельных нематериальных благ умершего участника уголовного судопроизводства его близким родственникам и другим лицам в рамках института правопреемства. Предложено авторское видение уголовно-процессуального преемства прав, позволяющего объяснить цель участия в производстве по уголовному делу соответствующей категории лиц. Определяется содержание их правомочий.

Ключевые слова: смерть участника уголовного судопроизводства, смерть потерпевшего, смерть подозреваемого (обвиняемого), близкий родственник, уголовно-процессуальное правопреемство.

Criminal Procedural Succession of the Rights of the Deceased Participant of Criminal Proceedings

Patrusheva Alena A.**

✉ aapatrusheva@yandex.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

Abstract. The paper presents an analysis of the points of view available in the legal literature regarding a legal phenomenon related to the actual preservation of personal non-property rights of deceased participants in legal relations, which are subject to posthumous protection in criminal proceedings. The most significant of the approaches are determined. Based on a study of the norms of civil, civil procedure, criminal procedure legislation, and also taking into account the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, it is concluded that the state delegates the powers to protect certain intangible benefits of a deceased participant in criminal proceedings to his close relatives and other persons within the framework of the succession institution. The author's vision of the criminal procedural succession of rights is proposed, which explains the purpose of participation in the criminal proceedings of the corresponding category of persons. The content of their powers is determined.

Keywords: death of a participant in criminal proceedings, death of a victim, death of a suspect (accused), close relative, criminal procedural succession.

* Адъюнкт кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

** Post-graduate student of the Department of Criminal Procedure at Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Уголовно-процессуальное право, как и любая другая отрасль права, не может не реагировать на факт «исчезновения субъекта, поведение которого составляет предмет его регулирования и соответствующие интересы которого получают юридическую защиту» [9]. Смерть таких основных участников процесса, как потерпевший, подозреваемый (обвиняемый), не прекращает производства по уголовному делу. Наступление данного юридического факта требует обеспечить близким родственникам умершего и иным лицам доступ к правосудию. Для установления объема полномочий, которыми необходимо наделить указанных лиц, следует определиться, для чего закон предписывает привлекать к участию в производстве по уголовным делам правопреемников умерших участников процесса.

Реализация субъективных уголовно-процессуальных прав и их защита всегда основываются на гражданской правоспособности, которая возникает с рождением гражданина и прекращается его смертью (п. 2 ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Согласно ч. 1 ст. 152 ГК РФ по требованию заинтересованных лиц допускается защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина и после его смерти. Конституционный Суд РФ, используя в своих решениях такие формулировки, как «защита чести, достоинства и доброго имени умершего», «права и законные интересы умершего подозреваемого (обвиняемого)», «правомочия по защите прав умершего подозреваемого (обвиняемого)»¹, также констатирует сохранение прав и даже законных интересов умершего участника уголовного судопроизводства.

Выходит, что закон, защищая некоторые нематериальные блага умершего, все-таки допускает существование отдельных прав человека после его смерти? Ученые в области уголовно-процессуального права при исследовании правоотношений, связанных со смертью участников уголовного судопроизводства, традиционно обращают своим вниманием данный вопрос.

В науке гражданского права этот феномен объясняется учеными по-разному. Так, М. Н. Малеина приходит к выводу «о существовании некоторых нематериальных благ в отрыве от человека в усеченном объеме (составе)» [11,

с. 42]. Подобной точки зрения придерживается В. А. Белов, который заявляет о бессубъектности личных прав, оставшихся после смерти человека, и обосновывает такой «феномен переживания» теорией о привязке личных прав к юридическому факту смерти, а не к умершему [2, с. 634–639].

Е. В. Гаврилов полагает, что заинтересованные лица «защищают вовсе не нематериальные блага умершего (ибо без субъекта права нет и нематериальных благ), а свое собственное нематериальное благо – добрую память об умершем человеке... Защищаются в таком случае интересы общества и личные интересы близких к умершему лиц» [5, с. 41].

Соглашаясь с позицией, что бессубъектных прав быть не может, как не может быть носителем прав умерший, мы солидарны с мнением Е. В. Богданова, полагающего, что общество оставляет за собой право на личные неимущественные права умершего, делегируя определенному кругу лиц возможность их защиты [3, с. 29–30]. Такая позиция в большей степени учитывает и публичный интерес, в силу которого память об умерших и сохранение достойного к ним отношения подлежат государственной охране, и частный в виде стремления близких родственников и иных лиц защитить как честь и достоинство умершего, так и свои собственные интересы, а также коллективные интересы семьи, членом которой был умерший.

Одним из первых эту мысль высказал еще в 1973 г. известный отечественный правовед Р. Е. Гукасян, который считал, что «поскольку интересы умершего лица с его смертью прекращаются, защищать их нельзя» [7, с. 65–66]. Предметом судебной защиты, в том числе в порядке уголовного судопроизводства, являются прежде всего общественные интересы, а также духовные интересы близких родственников умершего.

Аналогичного подхода придерживается и Конституционный Суд РФ, который разъяснил положения уголовно-процессуального законодательства, подлежащие применению в случае смерти подозреваемого (обвиняемого), следующим образом: «Конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, оно

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

обязывает государство создавать правовые гарантии для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения, что в свою очередь предполагает обязанность компетентных органов исходить из необходимости обеспечения близким родственникам умершего доступа к правосудию и судебной защиты в полном объеме»².

На первый взгляд может показаться, что Конституционный Суд РФ, как и законодатель в ч. 1 ст. 152 ГК РФ, допускает, что за отсутствующим субъектом права сохраняются его отдельные субъективные права. По нашему мнению, в данном случае речь идет о делегировании государством полномочий по защите некоторых нематериальных благ умершего заинтересованным лицам. Значит, указанные права не являются бессубъектными.

Именно для заинтересованных лиц важна возможность защиты доброй памяти об умерших и сохранение достойного к ним отношения. Г. Добровольская, рассуждая о возможности прекращения уголовного дела частного обвинения по факту клеветы в случае смерти частного обвинителя, справедливо отмечает: «Со смертью человека, естественно, исчезает и его чувство собственного достоинства, но с его смертью не исчезает та оценка, которая дается ему третьими лицами. Оценка переживает человека, которому она дана. Отрицательная оценка данная покойному, может являться оскорблением живущих, и тогда речь идет о так называемой “посредственной обиде”» [8, с. 8]. Уместно звучит данное высказывание применительно и к смерти подозреваемого (обвиняемого), поскольку привлечение к уголовной ответственности оценивается в обществе преимущественно отрицательно и накладывает определенный отпечаток на репутацию семьи умершего. В связи с этим законный интерес близких родственников умершего участника уголовного процесса и других лиц к защите собственных прав в уголовном судопроизводстве вполне оправдан.

Полагаем, отдельные личные неимущественные права умершего (право на честь, достоинство личности, доброе имя, право на жизнь

и здоровье) в каком-то смысле действительно «переживают» своего владельца, поскольку морально-этические устои, сложившиеся в обществе, обуславливают потребность в их посмертной защите. Это обстоятельство предопределяет нормативное установление о делегировании правомочия по защите некоторых нематериальных благ, неотделимых от личности умершего, заинтересованным лицам при наличии у них законных оснований и намерения отстоять эти права наряду со своими собственными. В результате нравственные нормы, связанные с отношением социума к смерти, будучи воспринятыми законодателем, оказываются и частью уголовно-процессуального закона, формируя определенные права у родственников и членов семьи умершего участника уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные правовые связи, в которых принимал участие умерший, сохраняются и нуждаются в новом легитимном субъекте – правопреемнике, к которому перейдут уголовно-процессуальные права умершего участника, в том числе право на защиту отдельных нематериальных благ в рамках уголовного судопроизводства. В результате перехода этих правомочий присутствие умершего в процессе заменяется участием его близкого родственника и (или) иного лица, при этом уголовное судопроизводство осуществляется так, будто умерший присутствует. Полагаем, такая вынужденная процедура замены субъекта в правоотношении, вызванная наступлением смерти участника уголовного судопроизводства, должна именоваться уголовно-процессуальным правопреемством.

Стоит отметить, что авторы первой редакции проекта ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предпринимали попытку официально ввести уголовно-процессуальное правопреемство в случае смерти потерпевшего или его неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном судопроизводстве (ст. 27)³.

Между тем уголовно-процессуальные кодексы Республики Армения (ст. 80)⁴, Республики

² По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко ...

³ Проект № 97700236-2 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 6 июня 1997 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сент. 1998 г. № ЗР-248: с изм. и доп. по сост. на 23 июля 2019 г. // Офиц. ведомости Респ. Армения. 1998. 21 сент.; 2019. 25 июля.

Молдова (ст. 81)⁵, Республики Беларусь (ст. 28)⁶, Республики Казахстан (ст. 109)⁷ в случае смерти потерпевшего предусматривают институт правопреемства, ключевые положения которого были разработаны в рамках Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств, принятого Межпарламентской Ассамблеей государств в 1996 г. в качестве рекомендательного законодательного акта⁸. Уголовно-процессуальное законодательство Азербайджанской Республики (ст.ст. 106, 106-1)⁹ предусматривает институт правопреемства, функционирующий в условиях фактического отсутствия обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего ввиду их смерти.

Среди ученых-процессуалистов теория уголовно-процессуального правопреемства получила широкое распространение. Одни авторы настаивают на необходимости введения института правопреемства в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) [6], другие – в ситуациях, при которых погибло лицо, подлежащее признанию потерпевшим [1, с. 58], третьи авторы присоединяются к предыдущим и предлагают ввести законное правопреемство и в случаях смерти частного обвинителя, гражданского истца, свидетеля, а также умершего подсудимого и гражданского ответчика [12, с. 8]. Ряд авторов утверждает, что действующее уголовно-процессуальное регулирование уже содержит нормы, регламентирующие правопреемство в случае смерти лица, погибшего в результате преступления [10].

У предлагаемой концепции есть и противники, доводы которых сводятся к следующему.

Нормы материального права не предусматривают преемство личных неимущественных прав и других нематериальных благ умершего, поэтому переходит только право на их защиту. В связи с этим близкие родственники умершего не могут быть признаны правопреемниками в силу закона [15].

Ярко выраженный публичный характер уголовно-процессуального регулирования накладывает

отпечаток на особенности судопроизводства по уголовным делам. Поэтому сравнение последнего с гражданским процессом, основывающимся исключительно на диспозитивных началах материального права своей отрасли, не всегда уместно. Так, в соответствии с гражданским законодательством личные неимущественные права и другие нематериальные блага умершего по общему правилу не подлежат наследованию (ст.ст. 150, 1112 ГК РФ). В случае смерти гражданина, являющегося одной из сторон в гражданском процессе, если спорное правоотношение не допускает правопреемство, производство по делу прекращается (ст.ст. 44, 215, 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). В противном случае суд приостанавливает производство по делу до момента определения правопреемника умершего гражданина, являющегося стороной в деле или третьим лицом с самостоятельными требованиями.

В уголовном процессе смерть потерпевшего и смерть подозреваемого (обвиняемого) не прекращают производства по делу. Если бы такие правовые ситуации не требовали правопреемства, то правоотношения со смертью указанных участников уголовного процесса безусловно завершались бы, поскольку жизнь и здоровье, достоинство личности, честь и доброе имя в соответствии с гражданским законодательством относятся к категории нематериальных благ конкретного человека (ст. 150 ГК РФ). Однако совершенное преступление посягает не только на права непосредственно пострадавшего, а уголовное преследование, осуществляясь от имени государства в интересах общества, носит публичный характер. Именно поэтому уголовно-процессуальные правовые связи, в которых состоял умерший, не прекращаются, для своего продолжения они изменяются в субъектном составе. Вовлечение нового участника вызвано отсутствием умершего субъекта уголовно-процессуальных правоотношений и обусловлено необходимостью обеспечить защиту

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV : с изм. и доп. по сост. на 29 нояб. 2018 г. // Мониторул Официал ал Р. Молдова. 2003. 7 июня ; 2018. 12 дек.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : с изм. и доп. по сост. на 9 янв. 2019 г. // Ведынасаці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь. 1999. 25 авг. ; 2019. 18 янв.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК : с изм. и доп. по сост. на 1 апр. 2019 г. // Казахстан. правда. 2014. 10 июля ; 2019. 3 апр.

⁸ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ : принят постановлением Межпарламент. Ассамблеи гос-в-участников СНГ от 17 февр. 1996 г. Доступ из СПС «Гарант».

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ : с изм. и доп. по сост. на 7 дек. 2018 г. // Сб. законодат. актов Азербайджан. Респ. 2000. № 8 ; Азербайджан. 2018. 1 дек.

в производстве по уголовному делу «жизнестойких» нематериальных благ предшественника, а также собственных прав и интересов его правопреемников. Для этого близкие родственники и иные лица могут приобрести права, которыми обладал или должен был обладать умерший участник судопроизводства.

В ситуациях, при которых лицо умерло до приобретения процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, отсутствует свойственная правопреемству производность приобретаемых близкими родственниками умершего его прав [4, с. 33].

Рассуждая о возможности правопреемства в указанных случаях, следует исходить из позиции высших судебных органов, в соответствии с которыми необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, которому преступлением причинен вред либо в отношении которого осуществлялось публичное уголовное преследование¹⁰.

Так, А. П. Рыжаков акцентирует внимание на том, что в ч. 8 ст. 42 УПК РФ говорится не о смерти потерпевшего, т. е. лица, признанного таковым в уголовно-процессуальном порядке. Речь идет обо всех лицах, погибших вследствие совершения в отношении них общественно опасного деяния, т. е. о непосредственно пострадавших¹¹. Другими словами, законодатель не ставит преемство прав потерпевшего в зависимость от того, успело ли должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, признать его потерпевшим, пока он был жив, или нет. В результате конституционная гарантия обеспечения посмертной защиты личных немущественных прав, в частности права на жизнь, распространяется на всех пострадавших, погибших в результате преступления, а не только на тех, кто приобрел официальный статус потерпевшего в уголовном процессе.

В постановлении № 16-П Конституционный Суд РФ констатировал необходимость обеспече-

ния близким родственникам подозреваемого (обвиняемого) прав, предусмотренных ст. 46 (47) УПК РФ, которыми должен был обладать сам умерший, аналогично тому, как это предусмотрено ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Обосновывая свои выводы по вопросу конституционности п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ, Конституционный Суд РФ указал, что «соблюдение конституционного принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие ограничения в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях)»¹². Поэтому требование об обеспечении посмертной защиты чести и достоинства в уголовном судопроизводстве должно применяться и к лицам, смерть которых наступила до надления их соответствующим процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого).

Таким образом, уголовно-процессуальное правопреемство, действительно, не во всех случаях подразумевает производность прав, приобретаемых близкими родственниками умершего. По нашему мнению, в этом заключается его отличительная особенность, обусловленная конституционно значимыми целями, предписывающими использовать соразмерные правовые средства для регулирования однородных по своей юридической природе отношений, которые исходя из принципа юридического равенства должны регламентироваться одинаковым образом.

Признание близких родственников умершего участника уголовного процесса его правопреемниками означает приравнивание их статуса к правовому положению подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего, что не совсем верно. Поскольку реализация прав, тесно связанных с личностью умершего (право давать от его

¹⁰ См., напр.: *По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П ; *О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 июня 2010 г. № 17. Доступ из СПС «Гарант».

¹¹ *Рыжаков А. П.* Комментарий к статье 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» (постатейный). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² *По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 УПК РФ в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко* : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

имени объяснения и показания, участвовать в предъявлении для опознания) не может быть передана другим лицам [13, с. 95].

При решении вопроса о правовом положении участника уголовного судопроизводства, вступающего в процесс в связи со смертью другого участника, необходимо исходить из природы правовых отношений. В литературе отмечается, что вопрос о сущности правопреемства тесным образом связан с динамикой правоотношений. Концепций динамики правоотношений несколько, мы придерживаемся той, которая допускает возможность изменения как субъектов правоотношения, так и его содержания [14].

По нашему мнению, при вовлечении близких родственников умершего пострадавшего и иных лиц в уголовное судопроизводство переход правомочий потерпевшего к его правопреемникам осуществляется в полном объеме. Данный вывод позволяет сделать формулировка ч. 8 ст. 42 УПК РФ о том, что «права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят...».

Вступление близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) в уголовное судопроизводство носит характер сингулярного (частичного) правопреемства, выделяемого в гражданско-процессуальном праве, при котором к правопреемнику переходят лишь отдельные правомочия предшественника. Например, к близкому родственнику умершего не переходит право пользоваться помощью защитника, поскольку он, как лицо, не причастное к совершению преступления, не нуждается в защите от уголовного преследования. Очевидно, что в этих случаях не переходят и обязанности, непосредственно связанные с личностью умершего подозреваемого (обвиняемого), прежде всего это касается претерпевания тягот и лишений, связанных с привлечением к уголовной ответственности. Однако иные уголовно-процессуальные обязанности, предусмотренные в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, например, обязанность являться по вызову следователя (дознателя, суда), близкими родственниками умершего приобретаются.

Право на участие в таких следственных действиях, как следственный эксперимент, предъявление лица для опознания также переходит к близким родственникам умершего наряду с другими правомочиями. Вопрос состоит в целесообразности проведения указанных след-

ственных действий с правопреемником умершего, если он не являлся очевидцем преступления. Мы полагаем, привлекать правопреемников умерших участников уголовного процесса к проведению следственных действий, которые требовалось осуществить с умершим при его жизни, хотя бы с тактической точки зрения нецелесообразно. Потому отчуждаемость или неотъемлемость этих прав от личности умершего участника процесса не имеет значения.

Допрос такого лица стоит производить не потому, что он, как правопреемник, приобрел права умершего, которого стоило допросить при жизни. Производство допроса близкого родственника и (или другого лица) необходимо, поскольку в силу тесного общения либо совместного проживания с умершим ему могут быть больше, чем другим, известны обстоятельства совершенного преступления. Право давать показания, безусловно, переходит к близкому родственнику умершего, но это не означает, что, приобретая это правомочие в порядке правопреемства и реализуя его, он будет давать показания от имени умершего либо вместо него.

Подводя итог сказанному, отметим, что уголовно-процессуальное правопреемство – это приобретение по причине смерти участника уголовного судопроизводства его близкими родственниками и (или) другими лицами делегированного государством правомочия по защите нематериальных благ умершего (достоинства личности, чести, доброго имени, жизни и здоровья), а также переход к ним уголовно-процессуальных прав, которыми обладал умерший или должен был обладать в силу занимаемого фактического положения. Приобретение названных правомочий осуществляется указанными лицами с целью защитить нематериальные блага, принадлежавшие умершему при жизни, наряду со своим собственным законным интересом и коллективными интересами семьи, членом которой был умерший. При этом защита этих делегированных и собственных прав производится путем реализации уголовно-процессуальных правомочий, предоставленных в результате перехода прав умершего участника судопроизводства к его близким родственникам, которые, допускаясь к участию в уголовном деле, должны именоваться правопреемниками потерпевшего (подозреваемого, обвиняемого).

В определенных ситуациях уголовно-процессуальные правоотношения, в которых принимал

участие умерший участник судопроизводства, продолжают и без привлечения близких родственников и других лиц ввиду их отсутствия или нежелания. Тогда посмертная защита нематериальных благ умершего должна обеспечиваться должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело. В любом случае, с привлечением правопреемников к уго-

ловному судопроизводству или без них, уголовно-процессуальные правоотношения приобретают новое качество в виде номинального участия умершего, будь это потерпевший, чья жизнь стала предметом преступного посягательства, либо подозреваемый (обвиняемый, подсудимый), и после смерти остающийся «автором» преступления.

Список литературы

1. Абабков А.В. Процессуальное положение потерпевшего в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 191 с.
2. Белов В. А. Гражданское право. Общая и особенная части : учеб. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. 960 с.
3. Богданов Е. В. Проблема сохранения («переживания») прав и обязанностей умершего гражданина // Адвокат. 2015. № 8. С. 27–31.
4. Варпаховская Е. М. Компенсация морального вреда потерпевшему в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. 203 с.
5. Гаврилов Е. В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. 2014. № 9. С. 39–47.
6. Гаврилов М. А. Институт процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 11. С. 49–52.
7. Гукасян Р. Е. Правовая охрана памяти об умерших и предмет судебной защиты // Правоведение. 1973. № 1. С. 61–66.
8. Добровольская Г. Судьба дел частного обвинения в связи со смертью потерпевшего // Социальная законность. 1947. № 8. С. 8–9.
9. Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. : Статут, 2000. 777 с.
10. Ларина Л. Ю. Проблемы уголовно-процессуального правопреемства в случае смерти потерпевшего // Актуальные вопросы конституционно-правового регулирования модернизации российского общества (к 20-летию Конституции РФ) : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2013. С. 128–132.
11. Малеина М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.
12. Мельников С. А. Представительство в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 200 с.
13. Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2018. 217 с.
14. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М. : Госюриздат, 1962. 162 с.
15. Шипунова О. В. Обеспечение прав умершего потерпевшего на досудебном производстве по уголовному делу // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 134–140.

References

1. Ababkov A.V. *Protsessual'noe polozhenie poterpevshego v ugolovnom protsesse*. Dis. kand. yurid. nauk [The Procedural Situation of the Victim in Criminal Proceedings. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 1998. 191 p.
2. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya i osobennaya chasti* [Civil Law. General and Special Parts]. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2003. 960 p.
3. Bogdanov E. V. Problema sokhraneniya («perezhivaniya») prav i obyazannostei umershego grazhdanina [Problem of Preservation (“Leaving After Life”) of Rights and Obligations of the Deceased Citizen]. *Advokat – Advocate*, 2015, no. 8, pp. 27–31.
4. Varpakhovskaya E. M. *Kompensatsiya moral'nogo vreda poterpevshego v rossiiskom ugolovnom protsesse*. Dis. kand. yurid. nauk [Compensation for Moral Harm to the Victim in the Russian Criminal Process. Cand. Legal Sci. Dis.]. Irkutsk, 2002. 203 p.
5. Gavrilov E. V. Dobraya pamyat' ob umershem cheloveke kak nematerial'noe blago v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran [The Good Memory of a Deceased Person as an Intangible Good in the Civil Law of the Russian Federation and Foreign Countries]. *Grazhdanin i pravo – Citizen and Law*, 2014, no. 9, pp. 39–47.
6. Gavrilov M. A. Institut protsessual'nogo pravopreemstva v ugolovnom sudoproizvodstve [Institute of Procedural Succession in Criminal Proceedings]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2018, no. 11, pp. 49–52.
7. Gukasyan R. E. Pravovaya okhrana pamyati ob umershego i predmet sudebnoi zashchity [Legal Protection of the Memory of the Dead and the Subject of Judicial Protection]. *Pravovedenie*, 1973, no. 1, pp. 61–66.
8. Dobrovolskaya G. Sud'ba del chastnogo obvineniya v svyazi so smert'yu poterpevshego [The Fate of Private Prosecution in Connection with the Death of the Victim]. *Sotsial'naya zakonnost' – Social Legality*, 1947, no. 8, pp. 8–9.
9. Ioffe O. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Iz istorii tsivilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «khozyaistvennogo prava»* [Selected Works on Civil Law. From the History of Civil-Legal Thought. Civil Relationship. Criticism of the Theory of “Economic Law”]. Moscow, Statut Publ., 2000. 777 p.

10. Larina L. Yu. Problemy ugovno-protsessual'nogo pravopreemstva v sluchae smerti poterpevshego [Problems of Criminal Procedural Succession in the Event of the Death of the Victim]. *Aktual'nye voprosy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya modernizatsii rossiiskogo obshchestva (k 20-letiyu Konstitutsii RF) – Actual Issues of Constitutional Regulation of the Modernization of Russian Society (on the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation)*. Ryazan, 2013, pp. 128–132.
11. Maleina M. N. Ponyatie i vidy nematerial'nykh blag kak ob'ektov lichnykh neimushchestvennykh prav [Defenitions and Types of Intangible Benefits as Objects of Personal Non-Property Rights]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2014, no. 7, pp. 40–47.
12. Mel'nikov S. A. *Predstavitel'stvo v sovremennom rossiiskom ugovnom protsesse*. Dis. kand. yurid. nauk [Representation in the Modern Russian Criminal Trial. Cand. Legal Sci. Dis.]. Izhevsk, 2002. 200 p.
13. Meshcheryakova Yu. O. *Proizvodstvo po ugovnomu delu v otnoshenii umershego*. Dis. kand. yurid. nauk [Criminal Proceedings Against the Deceased. Cand. Legal Sci. Dis.]. Samara, 2018. 217 p.
14. Cherepakhin B. B. *Pravopreemstvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Succession to Soviet Civil Law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 162 p.
15. Shipunova O. V. Obespechenie prav umershego poterpevshego na dosudebnom proizvodstve po ugovnomu delu [Providing the Rights of the Died Victim on Pre-Judicial Criminal Proceeding]. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya – Criminal Investigation: Problems and Ways of Their Solution*, 2017, no. 2 (16), pp. 134–140.